
**СЫСКНАЯ | 150 ЛЕТ НА СВЕТОЙ СТОРОНЕ СИЛЫ,
ПОЛИЦИЯ | ОХРАНЯЯ ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТИ!**

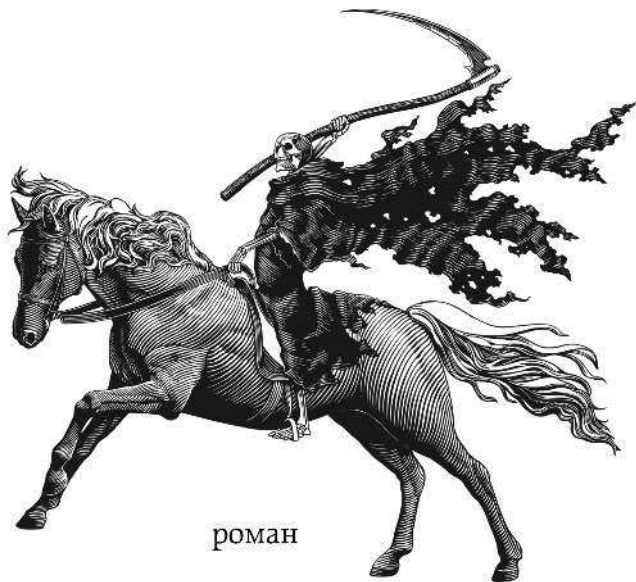
**Читайте в серии
«150 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ
СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ»:**

**ТАЙНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ
ПЯТЬ КАПЕЛЬ СМЕРТИ
ХОЛОДНЫЕ СЕРДЦА
ИЗ ТЬМЫ
АРОМАТ КРОВИ
ПЕПЕЛ И ПУРПУР
МЁРТВЫЙ ШАР
БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ОРФЕЙ
СМЕРТЬ МУЖЬЯМ
ОПАСНАЯ ФАМИЛИЯ**

А Н Т О Н

Ч И Ж

ОПАСНАЯ ФАМИЛИЯ

роман

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Дизайн серии *Петра Петрова*

Чиж, Антон.

Ч-59 **Опасная фамилия** : роман / Антон Чиж. – Москва :
Издательство «Э», 2017. – 416 с. – (150 лет Российской
сыскной полиции).

ISBN 978-5-699-99786-2

Знаменитый полицейский Санкт-Петербурга, любимец дам Родион Ванзаров, едва переступив порог двадцатипятилетия, берется за очередное расследование: при щекотливых обстоятельствах зверски убит известный государственный чиновник. В убийстве подозревают его сына Сержа – успешного «бизнесмена», занимающегося строительством железных дорог.

Кажется, перед нами классическое преступление на почве семейных конфликтов, и Ванзаров – в шаге от поимки убийцы. Но, раскрывая одно убийство, он вызывает к жизни старое, не завершенное расследование, начатое еще... Львом Толстым!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99786-2

© Чиж А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

— Однако как славно летит время. Не успеваешь оглянуться, как уже наступает нечто новое. Как это все-таки замечательно и чудесно: чувствовать бег времени, наблюдая за ним несколько философски, — говорил Степан Аркадьевич Облонский, более известный как Стива в высшем свете двух столиц. Он устроился в плетеном кресле так, что ноги его в лакированных ботинках не касались мокрой от росы травы. Его холеное и немного расплывшееся тело, затянутое в модный этим летом цветастый жилет, возлежало на подушках, распространяя среди сада аромат бодрящего парфюма. — Сколько же лет прошло? Десять, нет, позволь, никак пятнадцать?

— Девятнадцать лет, одиннадцать месяцев и двадцать три дня, — отвечал Алексей Александрович. Не глядя на гостя, он сосредоточенно наблюдал за шевелением в кустах. Болтовня Стивы не мешала ему думать, хотя отвечал он всегда аккуратно, чтобы не обидеть невпопад сказанным словом. Повадки Стивы Алексей Александрович выучил так давно, что мог заранее угадать, что скажет его родственник.

Стива фыркнул, как упитанный мерин, и подправил узел галстука.

— Двадцать лет! Не может быть, — сказал он, впрочем, настолько мягко, чтобы показать удрученность и своей забывчивостью, и горестным воспоминанием заодно. — Как стремительно пролетели годы. Не проходило и дня, чтобы я не вспоминал нашу бедную Анну. Буквально каждую неделю. И Долли ее все вспоминает частенько.

Каренин не стал ставить в неловкое положение гостя. Он закрыл глаза, слушая, как ветки крыжовника потрескивают без ветра. Стива принял вежливое молчание за нахлынувшие воспоминания и смутился оттого, что испортил такое утро неловким словом. Надо было сменить тему, чтобы не бередить рану, но Стива не нашелся, как избежать болезненных воспоминаний.

— Моя бедная сестра! Она ничего не увидела, — продолжил он, понимая, что не следовало бы этого говорить, но уже не в силах остановиться. — Ничего! Как это печально. Как вырос и возмужал мой дорогой племянник. Однако у Сержа такая коммерческая жилка проявилась, что просто чудо. Ни Сережу-маленького... Позволь, кем же он мне приходится? Если Сережа-маленький сын моего родного племянника, то он мне кто?

— Двоюродный внук, — ответил Каренин, прислушиваясь к шуму в кустах.

— Вот видишь! — воскликнул Стива, смахивая пушинку с лацкана. — Анна ничего этого не узнала. Она была бы бабушкой. Впрочем, Долли тоже бабушка, у Маши и Лили такие внуки чудесные, и она этим в целом счастлива. Как и должна быть счастлива женщина ее лет. Погружается в мелкие хлопоты с детьми. Признаться, никогда из них

толком и не выходила. А вот мне как-то дико, когда меня называют дедом. Не могу к этому привыкнуть. И скажу тебе, Алексей Александрович, не хочу. Чувствую еще достаточно сил, чтобы жить собственной жизнью, не растворяясь в детях и внуках. Но тебе-то дедом ощущать себя проще.

Алексей Александрович не считал тему достойной обсуждения. Естественный ход вещей тем и хорош, что от него невозможно избавиться, хочешь не хочешь... Желание человека здесь имеет столь же мало значения, как и в любом проявлении судьбы. Он неторопливо кивнул, чтобы Стива мог продолжить беззаботную болтовню.

— Да, летит время! — повторил Стива, словно его об этом просили. — Как хорошо у вас теперь в семье: мир, покой и гармония. Серж счастлив в браке, ты пользуешься почетом и уважением, вполне заслуженными... чего я искренне понять не могу. Как можно быть счастливым с одной женщиной: жена стареет, а ты еще полон жизни. Так все это запутанно... Да, что же я. И ты весь в почете прошлых дней, заслуженно почиваешь на лаврах. Только Анна всего этого не видит. Но не будешь же ты уверять меня, что оттуда... — Стива ткнул пальцем с тяжелым перстнем в наползавшие тучи, —...она все видит и следит за нами. Надеюсь, ты не фанатик.

— Ты знаешь мое отношение к религии, и я просил бы тебя не касаться этой темы, — ответил Алексей Александрович, пошевелившись в кресле и щелкнув пальцами. — Тебе же могу напомнить старую истину: копаясь в

своей душе, мы часто выкапываем такое, что там лежало бы незаметно. Надеюсь, ты меня понял.

— Очень рад это слышать! — воскликнул Стива веселым победителем. — А то знаешь, теперь только и разговоров, что о потусторонних силах. Столько развелось любителей поговорить с загробным миром, что уже скучно. Меня тут как-то затащили к одному спириту, так знаешь...

— У вас в министерстве позволяют приходить на службу когда вздумается? — спросил Каренин.

Стива звонко хлопнул себя по лбу, обнаружив, что, заглянув по-соседски на утренний кофе, он не заметил, как опять пролетело два часа. Когда он доберется из дачного Петергофа, будет уже неприлично поздно.

— Все! Спешу немислимым образом! — сказал он, лениво поднимаясь из кресла и с наслаждением потягиваясь, играя мышцами крепкого тела, тела мужчины, только только шагнувшего за пятьдесят. — Расцелуй за меня Сережу-маленького. Он такой очаровашка. Чудесный ребенок и так похож на Анну. Поверишь ли, Серж, когда был чуть постарше Сережи, тоже походил на мать, а теперь вот совсем другой, взрослый мужчина. Но Сережа — копия Анны. Он мне ее живо напоминает. Ах, Анна, Анна, как много горя ты нам принесла... Надеюсь, что Господь помилует тебя и простит тебе грехи твои. Так прощай же, Алексей Александрович, заглядывай к нам, старушка Долли будет тебе рада. Развлеки ее разговором, она и за то будет тебе благодарна.

Помахав чистой ладошкой, Стива отправился по тропинке, неторопливо переставляя ноги в лакированных ботинках и насвистывая легкий мотивчик. Каренин не провожал его взглядом. Его внимание занимали кусты. Там происходило что-то чрезвычайно важное, судя по тому, как резво вздрагивали прутьики, покрытые клейкими листками. То ли зверек размером с зайца боролся с капканом, то ли птица запуталась в ветвях. Алексей Александрович терпеливо ждал.

Куст распахнулся, как занавес, из него выскочил мальчик лет семи, перемазанный землей, в порванной рубашке. Он еще не вынырнул из отчаянного приключения, какое выпало ему в глухой чаще, лицо его покраснелось, он тяжело дышал, но глаза светились озорным восторгом. Заметив взрослого, сидящего в кресле, он замер на полушаге, словно наткнулся на невидимую преграду, и так и стоял с раскрытым ртом и удивленным испугом на мордашке. Каренин поманил его к себе. Сережа потупился и стиснул драный край сорочки, что вывалился из панталончиков. Но подойти все же не посмел. Он знал, что такие шалости будут иметь печальные последствия.

— Молодой человек, разве вам нужно особое приглашение?

Голос деда был тонок, но суров. Такому нельзя противиться. Хочешь не хочешь, а берет он за шкирку и тащит, куда хочет. Сережа сделал шагок, как по льду, и заставил себя подойти. Из кустов выскочил его воспитатель, увидел, к чему привела его рассеянность, и предпочел

остаться в стороне, не оправдывая недостойного поступка.

Сереза занял место в некотором позволительном отдалении, острые коленки деда смотрели ему в лицо строго и как будто с упреком. Так, что глаз поднять не было никакой возможности. Он знал, что заслужил суровый урок, и не было силы, которая спасла бы его. Деда Сереза видел редко, он всегда казался ему каким-то непостижимым существом, воплощением самой дисциплины, правил и порядка, перед которыми мальчик был бессилён, и только нечастое появление Алексея Александровича в жизни Серезы спасало от того, чтобы он стал хорошо воспитанным мальчиком. Дед был настолько непостижимым существом, из какого-то невообразимого мира, что Сереза не мог для себя решить: любит ли его безмерно или боится до ужаса. Он по-своему старался проникнуть в глубину этой молчаливой загадки, которая скрывалась за всегда чистыми стеклами круглых очков.

— Как понимать ваше поведение, милейший Сергей Сергеевич? — сказал Каренин, приподняв подбородок преступника холодными пальцами. Он хотел напомнить, что молодому человеку надо больше времени уделять урокам, а вовсе не путешествиям по кустам. Намерениям его не суждено было осуществиться.

Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза Серезы смотрели на него дружелюбно и внимательно. Чернокурчая головка, взлохмаченная, с застрявшими веточками в волосах, запрокинулась. Алексей Александрович держал в ладонях это родное и такое

знакомое лицо и не находил в себе сил читать нотацию. Какой в ней толк, когда чудо надо прощать уже за то, что оно есть. За то, что оно именно чудо.

Едва касаясь сухой ладонью, Каренин погладил непослушные завитки Сережи, с некоторым усилием нагнулся, троекратно расцеловал раскрасневшиеся щеки, пахнувшие соком листьев, и легонько подтолкнул внука в плечо, тем отменяя наказание. От неожиданности Сережа не шелохнулся, не в силах угадать, какое волшебство спасло его от неминуемой грозы. Он улыбался победительно и нежно, смотря на Алексея Александровича взглядом, бесконечно смутившим его.

— Идите и займитесь уроками, молодой человек, — сказал Каренин достаточно громко, чтобы напомнить учителю о его обязанностях. Сережу немедленно подхватили за локоть и увели.

Оставшись в одиночестве, Каренин погрузился в размышления, привычно сцепив пальцы замком. Больше всего ему сейчас требовалось душевное спокойствие и ровность мыслей. Но мысли вертелись запутанным вихрем, увлекая в опасные водовороты, о душевном же спокойствии можно было только мечтать. Внешне Алексей Александрович казался спокойным, как всегда, но это кажущееся спокойствие давалось ему с трудом, хотя за долгие годы он приучил себя скрывать чувства. Мира не было ни в душе, ни в сердце его. Хуже всего, что Каренин стал сомневаться в себе: хватит ли сил пережить все, что неумолимо надвигалось на него.

Майская ночь, светлая и тихая, растянула белесые небеса над столицей, укрыв улицы и проспекты особенной летней тишиной, что бывает в самой спелости белых ночей, когда окна открыты, воздух почти недвижим, свет не зажигают, его и так достаточно, и за каждой отдернутой шторой кто-то сумерничает, разглядывая небо, дома или лениво хлюпающую воду Невы, мечтая о чем-то невозможном, вдыхая волны дневной теплоты, уносимые от брусчатки легчайшим ветерком.

Большая Морская улица, известная особняками и строгими подъездами с фонарями на цепях и швейцарами в ливреях, утонула в белых сумерках. Газовые фонари не горели, тротуары были темны и пусты. Редкие городские на углах топтались в ленивом оцепенении. Изредка стучала колесами поздняя карета или пешеход нетвердой походкой двигался домой. И опять становилось тихо и сонно.

На углу с Невским проспектом остановилась пролетка. С нее сошел худощавый господин невысокого роста в темном костюме, наглухо застегнутом под воротник, — возраст его или черты лица было разобрать едва ли возможно. Он заметно прихрамывал, как от застарелой болезни, на которую махнули доктора, а страдалец свыкся, передвигался медленно, при этом держась поближе к фасадам, но при этом уверенно, явно знакомой дорогой. Миновав несколько домов и не замеченный городовым, впавшим в дремоту, он остановился у старинного дома с

массивной резной дверью, темневшей стеклами теплого тамбура. Господин не притронулся к шнуру электрического звонка, а вынул ключ и провернул его на три оборота. Потянув за медную ручку, вытертую до блеска не усердием прислуги, а множеством рук, он вошел и плотно затворил за собой дверь. За тамбуром начиналась обширная прихожая с гардеробной направо и парадной лестницей. В левом углу еле виднелась приоткрытая дверь в швейцарскую, из которой доносилось раскатистое похрапывание.

В доме было темнее, чем на улице. Однако господин не кликнул швейцара и не зажег свечей в канделябре. Нащупав мраморные перила, он поднимался, заноса вперед большую ногу. Ковер, натянутый на ступеньках, приглушал осторожные его шаги. Одолев два пролета, он оказался в бельэтаже, разделенном коридорами. Выбрав ближний, господин коснулся стены, чтобы не потерять ориентира, и двинулся, нащупывая путь. Он минул несколько дверных проемов и наконец добрался до нужных ему дверей. Они были не заперты. Зайдя и тщательно затворив створки, господин пошарил у портьеры и наткнулся на рычажок, которым легонько щелкнул. Комната залилась желтым электрическим светом.

Господин и не думал скрытничать, задергивая шторы на окнах. Свет их был приметен на всю улицу. Он тяжело опустился в ближайшее кресло и огляделся. Кабинет содержался в строжайшей аккуратности. Пыль тщательно вытерта, хрустальная пепельница вычищена, ряды книжных корешков выстроены как по линейке, на пись-

менном столе нож для бумаг, пресс-папье, чернильница и стопка бумаги занимали строго отведенные для них места. Только широкий ящик стола нарушал порядок — он был немного выдвинут. Господин легким толчком задвинул ящик. Теперь все было как надо.

Бронзовые часы с бойкими амурами отзвенели полночь. Господин с усилием поднялся с кресла, сильно оттолкнувшись от подлокотников. Первый шаг дался ему с трудом, уставшая нога подвела. Он поморщился, но отмахнулся от боли, не позволяя себе слабость. Уловив равновесие, постоял, собираясь с силами, потер высокий лоб, встряхнул головой, как бы отгоняя лишние мысли, и шагнул куда уверенней. Упорство его как будто вдохновлялось девизом: «Без поспешности и без отдыха», что изрядно выручало сейчас.

Проковыляв к стене, на которой идеально прямыми рядами висели разнообразные снимки в золоченых рамках, он вынужденно оперся о стену рукой. Накатил приступ боли нестерпимой. Сжав губы, он не застонал, только поморщился.

— Ничего, ничего, бывали скачки и труднее, — сказал он вполголоса.

Ему потребовалось снять сюртук. Каждое движение отдавалось в ноге. Господин аккуратно повесил сюртук на спинку кресла и вернулся. Он еще расстегнул запонки, тщательно закатал рукава сорочки. Занятый своими хлопотами, он не обращал внимания на то, что делалось у него за спиной.

В кабинет вела еще одна дверь. Створка, затворенная неплотно, тихо вздрогнула и приоткрылась.

Господин этого не заметил. Он был занят трудным делом, на которое уходили все силы. Требовалась аккуратность, чтобы не испортить начатое. Он был так занят, что не услышал резкий щелчок, пробивший тишину комнаты. Только ощутив резкий удар, еще успел подумать: отчего это пол так стремительно летит напрямик в него. И как же такое возможно, чтобы ковер прыгал в глаза.

• 3 •

Чрево Царскосельского вокзала напоминало внутренности кокона гигантской бабочки. Ажурная сеть металлических балок, крашенных в грязно-зеленый цвет, сцепила несметное множество стекол-чешуек, сквозь которые падали столбы пыльного света, — казалось, крыша держится именно на них.

В этот час перроны пустовали. Редкие фигуры бродили между уступами арок, клепанных стальными заклепками наподобие переборок крейсера.

Кирилл Алексеевич зашел в вокзал не с главного входа, а сбоку, через багажное отделение, поднялся на третий этаж, прошел насквозь зал ожидания третьего класса и вышел из него в той части вокзала, где железнодорожные пути упирались в отбойники и начинались ряды перронов. Он вынул часы на крепкой цепочке и сверился с